

А. С. Запесоцкий¹,
А. В. Яковенко²,
А. М. Крамаренко³

БРИКС КАК ПРООБРАЗ БУДУЩЕГО: КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ МНОГООБРАЗИЕ В ДЕЙСТВИИ

Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств⁴.

Академик Д. С. Лихачев

Предисловие

Никто из серьезных экспертов, в том числе западных, больше не оспаривает тезис, что мир переживает кардинальную трансформацию, точкой отсчета которой можно считать окончание холодной войны и последующий распад Советского Союза.

Ушедшая в прошлое биполярность с ее идеологической конфронтацией на время сменилась в международных отношениях так называемым однополярным моментом, который достиг своего апогея в период президентства Дж. Буша-младшего (2001–2009) и затем пошел на спад, приведя к нынешнему геополитическо-

му кризису, прежде всего резкому обострению отношений между Западом и Россией.

Ретроспективный анализ показывает, что текущее кризисное развитие стало результатом действия, главным образом, двух факторов. Первый — высокомерный и недальновидный подход западных элит, прежде всего американских, которые провозгласили свою «победу в холодной войне».

Более рациональным подходом мог бы быть «мир без победителей» — идея американского происхождения, которая, однако, не была реализована после окончания Первой мировой войны, когда Германия и Советская Россия были отстранены от послевоенного урегулирования в Европе с катастрофическими последствиями для дела мира на континенте. Эта идея была бы крайне уместной на рубеже 1980–1990-х годов, но по-настоящему коллективного договорного урегулирования снова не произошло, что не могло не иметь негативных последствий и на этот раз.

Дальнейшее развитие событий показало, что США и Запад в целом в своем подходе к обустройству мира в новых условиях если не на словах, то на деле исходили из своего варианта «конца истории», который понимался как продолжение западного доминирования в мировых делах и мировом развитии.

На деле все вылилось в банальную глобальную империю Запада — *Rex Americana*, возможно, последнюю империю в истории человечества. Империю, которая со временем перестала рассматривать свое существование как само собой разумеющееся и перешла к ак-

¹ Ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Автор около 4 тыс. научных и научно-публицистических работ, учебных пособий, монографий по проблемам культуры, образования, СМИ, профсоюзов, социальной и молодежной политики, международных отношений. Член редсоветов журналов «Философская мысль», «Вопросы культурологии», «Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура» и др. Почетный доктор университетов США, Ирландии, Польши, Белоруссии и Украины. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург). Награжден орденами Дружбы, Почета, Александра Невского. Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали РАО и др. Отмечен рядом благодарностей Президента РФ. Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга.

² Ректор Дипломатической академии МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, доктор юридических наук, профессор. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Замминистра иностранных дел России (2005–2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании (2011–2019). Автор ряда книг по международному космическому праву, а также более 200 публикаций по международным отношениям и вопросам внешней политики, науки, образования, культуры, в т. ч.: «Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая внешнеполитическая концепция», «2023 год: новая глобальная финансовая архитектура на горизонте?», «Мир вступил в фазу поиска нового баланса развития», «Реалии нового миропорядка», «25 тенденций современных международных отношений и мирового развития», «Актуальные проблемы прогрессивного развития международного космического права», «Современные космические проекты. Международно-правовые проблемы» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ, коллегии МИД России, действительный член РАЕН, Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, действительный член Международного института космического права (IISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж). Почетный профессор Эдинбургского университета (Великобритания). Награжден орденами Александра Невского, Почета, Дружбы, орденом Почета Республики Южная Осетия, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, грамотами Президента РФ и Правительства РФ.

³ Директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ. Директор Департамента внешнеполитического планирования МИД России (2005–2011), советник-посланник (в ранге Посла) Посольства России в Великобритании (2011–2017), директор по развитию Российского совета по международным делам (2017–2019). Автор публикаций в журнале «Международная жизнь», на сайтах Российского совета по международным делам, «Евразия. Эксперт», журнала «Эксперт», в т. ч.: «Россия и НАТО: предостережения „рокового решения“». Что делать?», «Дипломатический набросок образа будущего», «Конец истории, или все же кризис либерализма?», «Апология статус-кво, или поклониться Зверю?», «Сделка ОПЕК+ по нефти: новая „тройка“?», «Решение президента Д. Трампа по Иерусалиму: региональный и глобальный контекст» и др. Член Совета по внешней и оборонной политике. Вице-президент Международной ассоциации экспертов публичной дипломатии. Награжден орденами Почета, Дружбы. Отмечен благодарностью Президента РФ.

⁴ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры : [проект] (= Declaration of rights of culture) / Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН ; Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. СПб. : СПбГУП, 1995. С. 2.

тивной обороне, когда почувствовала для себя угрозу — подъем на волне глобализации всего остального мира, включая перспективные новые центры экономической и военной мощи, прежде всего Китай и Россию. Так, в 2015 году Китай обогнал США по размеру ВВП, исчисляемого по паритету покупательной способности, а в 2024-м Всемирный банк на том же основании был вынужден признать российскую экономику пятой в мире и крупнейшей в Европе. В отношении этих двух стран с середины 2000-х годов стала проводиться политика «сдерживания», отвечавшая инстинктам западных элит, которые к тому времени идейно унифицировались в контексте «однополярности» и сплотились вокруг «американского лидерства». Все указывало на то, что на Западе прикладывали к новым центрам силы свою историческую мерку — восхождение к военной мощи через создание доминирующего экономического и технологического потенциала, своего рода геополитический дарвинизм.

Этот охранительный тренд в западной политике указывает на второй фактор сложившейся ситуации, а именно нежелание или неспособность, в том числе психологическую, элит западных стран кооптировать в контролируемую ими глобальную валютно-финансовую и иную архитектуру новые центры того, что все больше заявляло о себе как формирующаяся многополярность грядущего мироустройства. Это касалось Бреттон-Вудских институтов, ВТО и ОЭСР. Более того, с середины 2010-х годов речь шла уже о покушении на сами основы послевоенного миропорядка с центральной ролью ООН с подрывом международного права как такового — основанного на общих для всех универсальных нормах, вырабатываемых коллективно мировым сообществом. В западных столицах заговорили о некоем «порядке, основанном на правилах», причем явно в обход Устава ООН и международного права вообще, то есть хранителями этих ситуативных «правил» (почему бы не опубликовать их перечень?) выступали сами западные столицы.

Исходя из общего контекста мировой политики, включая проведение в декабре 2021 года первого, тогда еще виртуального Саммита демократий «в целях обновления демократии у себя дома и противостояния автократиям за рубежом» (второй последовал в марте 2023 г.) и тезис о новом идеологическом противостоянии в мире (теперь по линии «либеральные демократии — авторитарные режимы»), речь шла о двух в корне противоположных подходах в мировых делах: один — к тем, кто причислял себя к лагерю «либеральных демократий» под «американским лидерством» и, разумеется, признавал его; другой — ко всем остальным, то есть незападному миру. Иначе говоря, мир уже был поделен этими подходами на два лагеря, обреченные на идеологическое и иное противостояние по образцу прежней биполярной конфронтации, даже если в нем вовсе не собирались участвовать предполагаемые оппоненты Запада, скажем, ни Россия, ни Китай. Кооптация тех же Пекина и Москвы в западную систему координат на условиях равноправия могла бы сделать ее инклюзивной, а затем и подлинно открытой, учитывающей национальные интересы всех государств.

Катализатором дальнейшей кристаллизации глобальной политики в русле того, что можно назвать новой, переходной биполярностью, стало резкое обострение отношений между Россией и Западом на почве украинского кризиса и проведения Россией специальной военной операции (СВО) в целях демилитаризации и денацификации Украины. Начатая Западом гибридная война, включая тотальную экономическую в форме «санкций из ада», спровоцировала де-факто политический раскол мирового сообщества: с одной стороны, Запад и те, кто себя с ним ассоциирует; с другой — Мировое большинство в лице незападных стран, составляющих три четверти членов ООН, включая все развивающиеся государства, и также страны БРИКС.

В этом контексте как никогда отчетливо заявила о себе имперская природа западного доминирования в глобальной политике, экономике и финансах, насчитывающего около пяти столетий (если считать с эпохи Великих географических открытий). Его отличительной чертой было подавление других культур и цивилизаций, будь то колониализм, работорговля или имперское строительство, к которым были причастны практически все западные страны — от Нидерландов, Испании, Португалии и Великобритании до Бельгии, Германии (после ее объединения под властью Пруссии) и США. Внутрizaпадные противоречия среди прочего привели к развязыванию двух мировых войн, в которые были втянуты колониальные страны и народы. В ходе Второй мировой наиболее агрессивные страны исторического Запада — Германия, Италия и Япония — встали на путь создания региональных империй, действуя со звериной жестокостью, в целом присущей мироощущению западных элит, что ввело в международное право понятие преступлений против человечности¹.

После Второй мировой, победа в которой была одержана союзниками по Антигитлеровской коалиции при решающей роли СССР, была ликвидирована внутрizaпадная биполярность, которая служила источником европейских и мировых войн на протяжении веков: страны «оси» вошли в контролируемые США военно-политические альянсы, включая двусторонние, и политические конфигурации, такие как «Семерка». Холодная война, в которой окончательно сложился исторический Запад, при всей остроте противоречий между двумя лагерями отражала идейное доминирование в мире западной цивилизации, поскольку различные идеологические продукты западной политической мысли — капитализм и социализм/коммунизм, исповедуемые двумя группами стран, каждый по-своему предполагали «конец истории».

Одновременно в послевоенный период при активной роли СССР (при том что следствием Русской революции стало Пробуждение Азии) произошел процесс де-

¹ Предметом доклада не являются проблематика специфического западного мироощущения и варианты альтернативной, умеренной политики Запада, в частности США, в период после окончания холодной войны. Данная тема рассматривается в других публикациях, в том числе: Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность : колл. моногр. / ред. С. А. Феоктистова. М. : Содружество культур, 2023 ; Яковенко А. В. Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая Внешнеполитическая концепция России : моногр. М. : Дипломатическая академия МИД России, 2023.

колонизации. Однако, как показала история, новые независимые государства попали в неокOLONиальную зависимость от Запада, который разными методами, в том числе через транснациональные корпорации (ТНК), Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ), практически продолжал распоряжаться их природными ресурсами и влиял на их социально-экономическую политику и в целом на общественное развитие. Стремление западных стран решать свои проблемы за чужой счет, фактически извлекать геополитическую ренту в качестве «поставщиков международных общественных благ» завело в тупик не только глобальную политику, но и мировое развитие. Запад со своими корыстными интересами оказался верен себе.

Между тем за пределами Запада постепенно складывалось понимание культурно-цивилизационного многообразия как важнейшей характеристики будущего мироустройства. Поначалу сказалась контрпродуктивная (и саморазрушительная) политика Запада с позиции силы, опровергавшая тезис «империя — это мир». Такое понимание росло и у части западных элит, прежде всего в связи с результатами так называемой войны с террором на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке и районе Сахеля. Появилась идея неизбежности и непримиримости «конфликта цивилизаций»¹. В рамках ООН для налаживания «диалога цивилизаций» был создан Альянс цивилизаций, который дал первые, хотя и весьма ограниченные результаты в плане смягчения противоречий между Западом и арабо-исламским миром.

Но текущий кризис, явно воспринимаемый сторонами как экзистенциальный, затрагивающий основы их идентичности и истории, поставил вопрос значительно шире и глубже. Теперь уже очевидно, что вся проблема существующего миропорядка и его грядущей радикальной трансформации упирается в необходимость обеспечения согласия и сотрудничества между существующими культурами и цивилизациями, в том числе в целях решения стоящих перед человечеством глобальных задач. Нынешняя западная система координат превратилась в тормоз мирового развития в силу того, что западная цивилизация в своей инерционной политике контроля и диктата с позиции силы раз за разом доказывает свою несовместимость с другими культурами и цивилизациями. Она пребывает в затухающем режиме, предсказанном еще О. Шпенглером в его «Закате Западного мира», и не проявляет никаких признаков способности к конвергенции или адаптации к качественно новому состоянию мира.

Значимым событием в этом контексте стало самоопределение России как «самобытного государства-цивилизации» в новой редакции Концепции внешней политики от 31 марта 2023 года². После пребывания в 300-летней парадигме европоцентризма, которая закрепилась в общественном сознании всем советским опытом, российское руководство заявило (о чем еще

100 лет назад писал Шпенглер, встреченный советской властью в штыхы) о принципиальной культурно-цивилизационной отличности России и всего Русского мира от Запада. Из этой чуждости между нами всегда исходили западные элиты. Своей политикой неприятия России после окончания холодной войны они только помогли нам принять давно назревшее решение. Его прямым следствием является позиционирование страны на стороне незападного мира — Мирового большинства или Глобального Юга (что также было предсказано 100 лет назад, только уже евразийцами).

В конце нулевых годов возникло трансконтинентальное объединение БРИКС (Южно-Африканская Республика присоединилась в 2011 г.) как форум прагматического сотрудничества ведущих восходящих экономик мира.

Как и в случае с ШОС, которая изначально была создана для разрешения пограничных вопросов между Китаем и бывшими республиками Советского Союза, дальнейшее развитие БРИКС и обретение им своего подлинного смысла диктовались эволюцией глобального/геополитического контекста. Если Китай прямо ассоциировал себя с незападным миром, то Россия долгое время после окончания холодной войны руководствовалась инерцией европо-/западоцентризма, унаследованной от трехвековой истории, включая советский период, полагая, что пришло время для неизбежной конвергенции того, что рассматривалось как большая Европейская цивилизация, восточной ветвью которой она себя воспринимала. Крах этой парадигмы, имевшей не только политические, но и вполне очевидные когнитивные основания, качественно изменил позиционирование БРИКС, что не замедлило заявить о себе глобально — в виде разного по форме и содержанию отказа государств незападного мира принять участие в санкционной войне Запада против России, а также в рамках работы Группы двадцати, где, как это четко проявилось при индийском председательстве в 2023 году, часть объединения стала противостоящим западной «Семерке» полюсом незападного мира. На этой волне (вслед за расширением ШОС — аналогии продолжают) произошло расширение БРИКС за счет ряда государств — членов «Двадцатки» и ведущих региональных держав. Они не скрывают своего стремления стать архитекторами нового миропорядка, который должен прийти на смену старому, так как он износился, стал источником угроз международной безопасности и тормозом мирового развития.

На первый план для государств Мирового большинства вышли вопросы развития, а вместе с ними и вопросы национальной идентичности, значение которой либо отрицалось странами Запада, либо принижалось собственными элитами, находившимися — политически и ментально — в западной системе координат.

Что касается российских элит, то речь идет о трехсотлетней надежде «встраивания» в Европу/Запад, дань которой отдавали и правительства Российской империи, и советская власть. Уже не относительный, а абсолютный закат Запада, переживающего системный кризис, открывает мировому сообществу пути для качественно новых подходов к решению собственных

¹ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. : Simon & Schuster, 1996.

² Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 01.04.2024).

проблем развития и противодействию общим для человечества вызовам и угрозам.

Ключевую роль обрели вопросы культуры и истории как основа идентичности и сосуществования народов. С периферии они по праву — и в полном соответствии с идеями Д. С. Лихачева и его предложением закрепить на международном уровне право на культуру наравне с прочими правами человека, включая право на жизнь¹, — переместились в центр государственного управления, внешней политики и международных отношений. Ничто не было столь своевременным и вызревшим в нашей истории, как культурно-цивилизационное самоопределение страны, спровоцированное враждебной западной политикой и ставшее следствием и в то же время источником духовного возрождения страны. СВО на Украине ускорила обретение исторически обусловленного смысла существования.

Радикальный разворот в нашем самосознании также стал реакцией на «отмену» Западом русской культуры вплоть до русского языка, ответом в духе призыва Анны Ахматовой к «спасению Великого русского слова» в годы тяжких испытаний Великой Отечественной войны. Если тогда мы столкнулись с прямым агрессивным «натиском на Восток» со стороны западной цивилизации, которая отдала главную роль нацистской Германии, одержимой проблемой «жизненного пространства», то теперь — с гибридной войной, в которой ключевая роль отведена Украине, перформативной в анти-Россию и потому создающей нам угрозу в том числе на уровне идентичности и истории.

«Конфликт цивилизаций» — предчувствие конфликта

Следует отдать должное С. Хантингтону, который вскоре после окончания холодной войны (его труд вышел в 1996 г.) многое предвидел — неслучайно его ценили те, кто трезво смотрел на вещи и понимал, что наступило начало конца западной гегемонии (в феврале 2024 г. Ж. Боррель заявил, что «эра западного доминирования подошла к концу», хотя участникам Лихачевских чтений это было давно понятно) и что без адаптации к качественно новой геополитической ситуации этот конец неизбежен, что продолжение «американского лидерства» надо «зарабатывать» — оно возможно только на условиях трансформации в нечто коллективное, собрание культур и цивилизаций, включающее Россию, которое отлично от западной. Хантингтон понимал, что все прежние конфликты, включая «конфликт идеологий» в годы холодной войны, происходили внутри западной цивилизации. С ним можно согласиться и в части классификации цивилизаций.

В незападных цивилизациях происходит возврат к своим корням, что он отмечал и в России. Траектория Хантингтоном «русского вопроса» представляет особый интерес. В его понимании Россия остается самой значительной «расколотой страной»: если советская власть сняла с повестки дня «исторический спор между западни-

ками и славянофилами», то уже неясно, что будет с Россией, «желающей присоединиться к Западу». Теперь очевидно, что первый тест на адаптацию Запада к изменениям в мире был провален на примере России, когда было принято решение о расширении НАТО на Восток. За ним последовала череда других провалов, включая взаимодействие с Китаем, Индией, Бразилией и арабо-исламским миром. Хантингтон не ошибся и в том, что модернизация не равнозначна вестернизации.

В большей части незападных культур не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, равенство, свобода, свободный рынок, отделение церкви от государства и многое другое. Из этого проистекает, по сути, новая биполярность — «Запад против остального мира». Другое дело, что она, вполне возможно, будет переходной — до утверждения многополярности, поскольку цивилизации, как и государства, должны быть равноправны, а значит, учиться сосуществовать друг с другом на этой основе.

Провал американских войн в Афганистане и Ираке, последствия вмешательства в Ливии и Сирии в контексте «арабской весны», что было похоже на саморазрушение Америки в части ее международного позиционирования, побудили наиболее проницательных американских политиков, главным образом демократической ориентации (благо они были не у дел при республиканской администрации), заняться межкультурной проблематикой. Так, Збигнев Бжезинский осенью 2005 года в своей установочной статье «Дилемма последнего суверена» в журнале *American Interest*, заметив, что «для большинства государств суверенитет граничит с правовой фикцией», писал, что США не могут игнорировать то, что он охарактеризовал как «массовое политическое пробуждение» повсюду в мире.

Признав, что террор стал следствием западных революций, прежде всего Французской с ее лозунгом «Свобода, равенство, братство!», Бжезинский указал на необходимость для Америки, которая в одиночку не в состоянии решить ни одну значимую международную проблему, пересмотреть свои внешнеполитические подходы и проявить готовность к «формированию общего понимания нашей исторической эпохи» с другими странами и партнерами. Он ставил вопрос о «новой глобальной солидарности», которая поглотила бы и американский суверенитет. То есть необходимо «поставить американский суверенитет на службу общему благу» — только так США могли бы подкрепить свою «международную легитимность».

Одновременно он предупреждал — и тут, возможно, впервые в американском политологическом дискурсе было употреблено слово «самопоражение» (*self-defeat*), — что в противном случае к нынешним глобальным вызовам для Америки будут «зловеще иметь отношение» предсказания О. Шпенглера, А. Тойнби (о «суицидальном госуправлении») и С. Хантингтона.

Вслед за Хантингтоном он обращает внимание на то, что глобализация не создает общую цивилизацию, а вместо этого провоцирует межкультурные столкновения, и цитирует: «Далее следует эрозия западной культуры, в то время как заново утверждают себя местные укорененные в истории нравы, языки, ве-

¹ См.: Лихачев Д. С. Декларация прав культуры : [проект] (= Declaration of rights of culture) / Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН ; Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. СПб. : СПбГУП, 1995.

рования и институты». И еще: «демократия — по своей природе провинциализирующий, а не космополитизирующий процесс, результатом которого служит народная мобилизация против элит, получивших западное образование и ориентированных на Запад». Как бы то ни было, призыв к тому, что «Америка должна посвятить свой суверенитет делу, большему, чем собственная безопасность», так и не был услышан.

В дискуссии — с тем же результатом — вступила и бывший госсекретарь М. Олбрайт. В книге «Могущественные и Всемогуший»¹ (2007) она также утверждала, что необходимо радикально пересмотреть подход США к своему глобальному лидерству, и напоминала, что Дж. Кеннеди рассматривал «не коммунизм, а империализм в качестве главного теста, который должна пройти американская внешняя политика» (высказывание от 1957 г.).

Она отмечала, что лидеры «Аль-Каиды» «озабочены трансцендентными вопросами истории, идентичности и веры», и рекомендовала: «Чтобы нас услышали, остальные из нас должны столь же глубоко относиться ко всему». Далее у нее говорится об общности ценностей основных мировых религий, к которым и надо апеллировать, о необходимости борьбы с глобальной бедностью, как это предусмотрено в Целях развития тысячелетия ООН, о том, что американцам не помешает смирение, к которому призывает их собственная история (с чем трудно не согласиться). Но вся проблема в том, что администрации США одна за другой исходили из «автоматизма» распространения американской гегемонии на весь остальной мир после окончания холодной войны — это с опозданием признал Генри Киссинджер в 2014 году².

М. Олбрайт приветствовала идею Альянса цивилизаций, выдвинутую в рамках ООН Мадридом и Анкарой. К чему, однако, все свелось?

В июле 2005 года Кофи Аннан, занимавший тогда пост Генерального секретаря ООН, поддержал инициативу создания при коспонсорстве премьер-министров Испании и Турции Хосе Луиса Сапатеро и Реджепа Эрдогана глобального Альянса цивилизаций. Целями этой инициативы должны были стать мобилизация коллективной политической воли на преодоление разрыва и растущего недоверия между цивилизациями, культурами и обществами, в первую очередь между Западом и исламским миром, а также налаживание взаимопонимания между ними.

Авторство идеи создания Альянса цивилизаций принадлежит Испании, которая еще в Средние века продемонстрировала блестящие образцы взаимодействия арабской и европейской культур. В истории так называемой мусульманской Испании были и трагические моменты, но было и сотрудничество культур, позитивное, как нигде больше. Причины Турции вполне очевидны. Тогда речь шла о том, чтобы показать: мусульманская страна вполне совместима с западной цивилизацией. Для руководства Альянсом цивилизаций была сформирована Группа высокого уровня (ГВУ) в составе 18 человек во главе с представителями Испании и Турции. От России в нее вошел видный востоковед академик В. В. Наумкин.

В докладе, представленном Генеральному секретарю ООН в ноябре 2006 года, была дана оценка ситуации, в том числе с учетом возникновения и роста религиозного экстремизма и содержалось большое количество конструктивных предложений, которые в случае их реализации могли бы существенно ослабить напряженность и способствовать налаживанию межкультурного диалога³. Однако и сама инициатива по созданию глобального Альянса цивилизаций, и доклад ГВУ вызвали предсказуемую критическую реакцию в ряде государств, в том числе в США, где забыли, что они пожирают то, что посеяли, включая содействие «джихаду» в Афганистане (в скобках заметим, что тогда власти Саудовской Аравии взяли курс на экспорт ваххабитской пассионарности, дабы приглушить ее внутри собственной страны).

И тут западные элиты подвело высокомерие. Как отмечал американский социолог И. Валлерстайн на Лихачевских чтениях 2009 года, «эффективный диалог может быть только на основе равноправия сторон». Тогда Запад действовал прагматично, если не сказать цинично, стремясь вовлечь мировое сообщество в решение своей проблемы — но не налаживания межкультурных отношений, а купирования подъема радикального, политического ислама. Ситуацию только усугубили как рост исламофобии на Западе, так и выраж западных элит в сторону ультралиберализма, который увеличил дистанцию между ценностями двух цивилизаций.

Запад против всех?

Как бы то ни было, Запад так и не смог сделать свою гегемонию инклюзивной, открытой для всех других цивилизаций, для чего требовалось признать их равенство. Надо заметить, в Вашингтоне «споткнулись» о Россию и Китай, перейдя к политике их «сдерживания» по аналогии со стратегией времен холодной войны. Соответственно, это не оставило места ни для инклюзивности, ни даже для линии на «конструктивное сотрудничество» (constructive engagement), которая в целом дала Западу неплохие результаты в эпоху биполярности.

На экспертном уровне в США были сделаны попытки предложить принципиальные альтернативы пониманию национальной безопасности, сложившемуся вследствие геополитических и идеологических императивов холодной войны.

Был выработан комплекс идей нового, в духе требований времени, международного позиционирования США, которые, однако, позднее были скомпрометированы в глазах элит «изоляционизмом» Трампа (возник ярлык «трампизм») и его недоказанными «связями с Москвой». Таким образом, это окно возможностей быстро закрылось из-за спровоцированного США украинского кризиса и внутреннего противостояния в связи с победой Трампа на выборах 2016 года.

Все указывало на то, что Запад, по крайней мере его элиты, не в силах выйти из круга присущих им политико-психологических ограничителей, будь то инстинкты или предрассудки, в своем видении мира и места Запада в нем.

¹ Albright M. The Mighty and the Almighty. Reflections on America, God, and World Affairs. N. Y. : Harper Perennial, 2007.

² Киссинджер Г. Мировой порядок. М. : АСТ, 2023.

³ Группа высокого уровня по вопросу о слаженности в системе ООН // ООН : [официальный сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/events/pastevents/panel.shtml> (дата обращения: 01.04.2024).

Произошло то, что было легко предугадать и что президент Б. Клинтон на саммите альянса в январе 1994 года назвал «самосбывающимся пророчеством»¹. Косвенно это следовало и у Хантингтона.

В свое время в связи с очередной годовщиной Ф. Ницше Фрэнсис Фукуяма писал, что западная философия так и не преодолела «отрицания равенства человеческого достоинства»² — утверждение, которое имеет прямое отношение к культурно-цивилизационной несовместимости западных элит с незападными. Позже, на волне обострения отношений между Россией и Западом, на страницах «Форин Аффэрс» (май-июнь 2022 г.) он писал о некоем «национал-либерализме», о том, что либерализм должен быть укоренен в каждой стране. Но как быть с нынешним кризисом либерализма там, где он зародился, — в самом западном обществе? И не отсюда ли происходит тот самый интервенционизм и то самое унификаторство Запада в отношении всего остального мира, где он не возник естественным образом и не смог быть навязан извне? Не оказывается ли этот «либерализм» не только неким «принуждением к демократии», но и аналогом нацизма?

Даже сейчас, в связи с украинским кризисом, западные столицы вспомнили о суверенитете именно «демократической Украины», в принципе отрицая это право за всеми странами, которые они не квалифицируют как демократические.

Украинский кризис: катализатор пробуждения России

Не желая того и давая сработать принципу «нежелательных последствий» (unintended consequences), США спровоцировали кризис с радикальным переформатированием Украины, балансировавшей на грани несостоявшегося государства, и тем самым помогли этой стране обрести, наконец, внятный смысл своего независимого существования в русле негативной части ее исторического наследия.

Украина не могла похвастаться демократией и отсутствием коррупции, которые, возможно, искушали бы российский электорат и таким образом способствовали аналогичной вестернизации России. Поэтому выбор был сделан в пользу создания для России угрозы на уровне идентичности и истории — вызова, который бы подрывал нарратив Победы над нацистской Германией как нравственно-духовное основание современной России.

Было естественно, что в эпоху пробуждения цивилизационного самосознания повсюду в мире исторический Запад вознамерился решить проблему исторической России на поле культуры и истории. Одновременно, как показало развитие событий, создавались условия для реабилитации задним числом нацизма как специфического продукта западной цивилизации. Удар наносился по идее Русского мира, под которым на Западе, как определил Хантингтон, понимали сла-

вянство и православие. Было легко предположить, что Россия не может не ответить на этот экзистенциальный вызов, обремененный перспективой вступления Украины в НАТО и созданием на российской границе вполне очевидной военно-политической угрозы, равно как и отказом Киева при поддержке Запада реализовать Минские соглашения, которые шли в русле общепризнанных, в том числе европейских, норм урегулирования внутренних гражданских конфликтов. Вопреки западной же концепции «безопасности личности» (human security), которая отдавала приоритет правам человека и правам меньшинств перед правами государств, включая их суверенитет и территориальную целостность, Киев после госпереворота февраля 2014 года взял курс на унитарное и этноцентричное государство, апеллируя к агрессивному национализму, который скомпрометировал себя сотрудничеством с нацистской Германией.

Наряду с давлением на каноническую Украинскую православную церковь в составе РПЦ проводилась политика насильственной украинизации в стране, большая часть населения которой была либо представлена этническими русскими, оказавшимися в составе Украины, сконструированной в нынешних границах советской властью и ее идеологическими императивами, либо говорила на русском и была двуязычной. Таким образом, вопрос языка стал фундаментальным для будущего Украины, которая не могла без систематического и узаконенного насилия продолжать свое существование в советских границах на фоне разрушения основ советского общежития с его толерантностью и инклюзивностью.

Украинизация и подавление русского языка сопровождались переписыванием исторического нарратива (с созданием официальной пропагандой примитивной национальной мифологии на основе сельской культуры, причем с явным расистским уклоном по аналогии с нацизмом) и отказом от всего свода богатейшей русской культуры в пользу украинской, не сопоставимой с ней по развитию, от созданных за этот исторический период духовных ценностей, прежде всего в литературе, включая гений Николая Гоголя. Под аккомпанемент агрессивной антирусской пропаганды, которая отсылала к печальному опыту Европы межвоенного периода и смыкалась с кампанией Запада по «отмене» русской культуры, шло обеднение и упрощение культуры в самом широком смысле — вполне в духе того, что происходило при нацистском режиме в Германии.

Мировое большинство и реформа системы мироустройства

Перспектива формирования нового международного порядка, который не был бы основан на доминировании Запада, зависит не только от исхода нынешнего обострения в отношениях Запада с Россией, но и от коллективной позиции государств Азии, Африки и Латинской Америки — Мирового большинства, или Глобального Юга. Совокупный потенциал этих регионов ощутимо возрос. Впервые в истории перед ними открываются возможности выступить в качестве полноценных центров мировой политики, серьезно влияю-

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: АСТ, 2018.

² Fukuyama F. Nietzsche: A Philosophy in Context // The New York Times. 2010. May 7. URL: <https://www.nytimes.com/2010/05/09/books/review/Fukuyama-t.html?ysclid=m0m7k2ri6a671905665> (дата обращения: 01.04.2024).

щих на формирование международной повестки дня, включая вопросы безопасности.

Происходящие изменения в соотношении сил на мировой арене в пользу Мирового большинства (а Россия наряду с Китаем позиционирует себя как его часть) подтверждают справедливость российской концепции многополярности как движения в сторону разрушения экономической, силовой и технологической гегемонии Запада, превратившейся для него в способ существования. В этом плане интересы государств Мирового большинства в целом созвучны российским в поиске нового, более справедливого международного порядка. Они также означают провал попыток Запада добиться международной изоляции России, возможность сохранения и укрепления связей между ведущими развивающимися мировыми экономиками, создание новых партнерств в условиях острого конфликта с Западом.

Сама идея продвижения принципов качественно нового, более справедливого мироустройства, отражающего культурно-цивилизационное многообразие современного мира, давно присутствует в политике государств Мирового большинства. Масштабным выражением стремления к переформатированию мировой системы исторически явилось Движение неприсоединения. Оно изначально было образовано странами, которые ныне и составляют Мировое большинство, с целью создать широкую международную платформу, объединяющую страны по принципу неучастия в военно-политических блоках. Это позволило сформировать в рамках ООН своего рода союз неприсоединившихся стран (Группа 77 в составе 134 государств), продвигающий политические проекты, альтернативные западным мировоззренческим постулатам. Другим примером может служить идея Нового международного экономического порядка (НМЭП), активно поддерживаемая странами Азии, Африки и Латинской Америки. Под мощным коллективным давлением бывших колониальных и зависимых стран, составляющих большинство в ООН, Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию об установлении НМЭП. В качестве основной стратегической задачи провозглашались устранение неравенства в мировой экономике и преодоление разрыва между развитыми и развивающимися странами.

Фактическое торпедирование Западом планов по перестройке международных отношений, отвечающей интересам стран Азии, Африки и Латинской Америки, указывало на ограниченный ресурс противодействия западному доминированию. В итоге эти проекты потеряли изначальную политическую инерцию и не дали ожидаемых результатов. Сказалось и состояние России после распада СССР, наши иллюзии в отношении «встраивания» в Запад, что вкупе с общим ослаблением страны не позволяло оказать должное содействие странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Процесс неолиберальной глобализации, запущенный Западом на рубеже 1980–1990-х годов и на три десятилетия определивший магистральное направление мирового развития, способствовал изменению соотношения сил в мире в пользу коллективного Глобального Юга. Для части государств Азии, Африки и Латинской Америки глобализация превратилась в мощный

фактор как внутренних структурных преобразований (хотя и нередко противоречивых), так и перезагрузки внешнеэкономических связей. Наиболее динамично развивались государства Восточной и Юго-Восточной Азии во главе с Китаем, который удачно адаптировал схему западной глобализации под требования собственного социально-политического и экономического развития, отражающего особенности его культурно-цивилизационной идентичности, укорененной в истории. Центр притяжения мировой экономики и торговли в сравнительно сжатые сроки переместился в Азию.

Не имеющий исторических аналогов форсированный и долговременный экономический рост Китая, особенно на фоне вялой динамики в США, Европейском союзе и Японии, заставляет переосмысливать ключевые неолиберальные и макроэкономические догмы Запада. Отсюда и тот новый импульс, который получают в странах Мирового большинства настроения в пользу переформатирования системы международных отношений на альтернативной основе. Мировое большинство, опираясь на имеющийся у него колоссальный потенциал, могло бы стать драйвером процесса формирования более стабильного, безопасного и справедливого мира. Историческая миссия, с которой в конечном счете не справился коллективный Запад, переходит к Мировому большинству.

Вместе с тем на нынешнем этапе страны Мирового большинства не имеют коллективной достаточно целостной и оригинальной политической платформы, формирующей их совместное видение новой международной системы и путей перехода к ней. Задача перехода к мироустройству нового типа на основе многополярности прямо формулируется или фактически признается только ограниченным числом ведущих стран Мирового большинства.

Понятие многополярности присутствует в концептуальных наработках большинства стран, даже без прямой увязки с темой будущего миропорядка. Практически повсеместно признается, что ключевое значение имеет тема глобального управления, то есть определения международных площадок, на которых должно строиться международное сотрудничество. Констатируется, что ныне существующая система глобального управления нуждается в реформировании или корректировке. Основной акцент при этом делается на необходимости реформирования ООН с упором на обеспечение представительного характера Совета Безопасности, Бреттон-Вудские институты (МВФ и ВБ), а также ВОЗ и ВТО. Критике подвергаются их неэффективность и недостаточная представленность в них развивающихся стран, что не позволяет обеспечить равное правое интересов всех членов международного сообщества.

Взгляды на проблематику международной безопасности сводятся к подтверждению приверженности соответствующим базовым принципам Устава ООН, поддержке международных правовых норм, призванных предупреждать военные конфликты и кризисы. Эти нормы включают уважение национального суверенитета, нерушимость границ, невмешательство во

внутренние дела, недопустимость агрессии или угрозы миру, мирное урегулирование споров и конфликтов, связанное с этим миротворчество. Приветствуется сохранение системы контроля над вооружениями. Как правило, констатируется также необходимость международного сотрудничества в целях предотвращения конфликтов и кризисов, предупреждения терроризма и экстремизма.

Видение перспектив структуры мировой экономики, международной торговли и финансовой системы в основном воспроизводит отголоски прежних идей, обсуждавшихся на площадке ООН в контексте НМЭП, хотя и с поправкой на современный уровень развития технологий. Не подвергается сомнению, что принципиально важна перспектива дальнейшей экономической глобализации. Однако признается, что она должна строиться на иных принципах, способствуя, прежде всего, созданию открытой мировой экономики, справедливой, честной, недискриминационной экономической среды, а также должна стимулировать двустороннее, региональное и многостороннее сотрудничество.

Практически повсеместно ставится вопрос о необходимости для промышленно развитых стран увеличить финансирование Глобального Юга по линии программ международного содействия развитию, при этом большое значение имеет призыв к обеспечению полного национального контроля над природными ресурсами. В контексте требований о реформе Бреттон-Вудских институтов продвигается тема неоправданности роли доллара США в качестве основной резервной валюты, невыгодности для развивающихся стран существующей системы международных платежей и валютно-финансовых трансферов.

Страны Мирового большинства, независимо от их внешнеполитической ориентации, декларируют принципиальную неприемлемость односторонних ограничительных мер в мировой торговле. Остро обозначается и вопрос обеспечения технологического прогресса в странах Мирового большинства с формулированием требования равноправного, свободного и взаимовыгодного обмена технологическими достижениями по линии Север–Юг. Во главу угла международного экономического и социального развития также ставится тема должной реализации Целей устойчивого развития ООН. Показателен в этом плане акцент, который делают некоторые государства, на задаче достижения целей международной климатической повестки.

Для подходов элит значительной части государств Мирового большинства к перспективам нового мирового порядка характерно и то, что они рассматриваются через призму прямо или опосредованно выражаемых амбиций на повышение собственного коллективного или национального веса в мировых делах. Возросшая в последнее время миротворческая активность со стороны Мирового большинства, в том числе инициативы по нормализации отношений между Ираном и Саудовской Аравией, а также мирный план по Украинскому кризису, — в русле реализации этих амбиций. Всемерно акцентируется и намерение играть конструктивную роль в защите мира в глобальном и региональном форматах, принимать активное участие в разработ-

ке правил в области глобальной безопасности, наращивать международное сотрудничество в сфере безопасности, непосредственно участвовать в миротворческой деятельности по линии ООН. Подходы стран Мирового большинства к видению нового миропорядка отличаются еще и тем, что они охватывают проблему действенности международного права. Практически все концептуальные материалы государств Мирового большинства констатируют необходимость соблюдения общепризнанных правовых норм, прежде всего закрепленных в Уставе ООН.

Традиционные ценности выступают как одно из главных средств, используемых государствами для противодействия навязываемым Западом ценностных стандартов, для укрепления национальной идентичности в международных отношениях.

Во многом показательна позиция Индии, которая, в частности, нашла отражение в Делийской декларации по итогам заседания Совета глав государств ШОС (июль 2023 г.), где указывается: «мир переживает беспрецедентные трансформационные перемены и вступает в новую эпоху стремительного технологического развития, что требует повышения эффективности глобальных институтов. Эти фундаментальные процессы сопровождаются укреплением многополярности».

В качестве важного критерия развития новой системы международных отношений Индия видит повышение роли и влияния стран Глобального Юга, обеспечения их включенности в процессы формирования правил международного взаимодействия, а также доступа к критическим ресурсам, в том числе финансовым и технологическим. При этом индийская сторона придает особое значение необходимости усиления представленности развивающихся стран в ключевых международных структурах, в том числе настаивает на включении Африканского союза как равноправного участника в Группу двадцати. Весьма показательными являются высказывания индийского премьер-министра о критерии «нравственности» в проведении стратегической политики и «росте понимания необходимости отказа от ВВП-центрического взгляда на мир в пользу взгляда, ориентированного на человека».

Таким образом, формирующиеся в странах Мирового большинства концептуальные воззрения относительно реформирования существующей системы мироустройства и межгосударственных отношений имеют очевидный идейный крен в сторону отрицания претензий США, «англосферы», мира и Запада в целом на сохранение своего доминирования в мировой политике и экономике. Этот процесс концептуального переосмысления картины современного мира основан на объективном изменении глобального соотношения сил в пользу Мирового большинства по целому ряду базовых параметров. Он не просто созвучен, но по своей сути совпадает с внешнеполитическими подходами Российской Федерации и отвечает ее интересам.

В связи с этим стратегический поворот России в сторону развития сотрудничества со странами Мирового большинства укрепляет основу для совместного и концептуально осмысленного движения в сторону формирования более справедливой системы мироустройства,

основанной на межгосударственном равенстве, стабильности, взаимовыгодном взаимодействии и международном праве. Это одновременно открывает для России возможности для противодействия линии коллективного Запада, стремящегося сохранить Мировое большинство в рамках неокOLONиальной зависимости.

БРИКС — назревшая необходимость

Первая встреча БРИК состоялась 20 сентября 2006 года на полях 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. В ней приняли участие министры иностранных дел России, Бразилии, Китая и министр обороны Индии, которые договорились развивать многоплановое сотрудничество четырех стран. 16 мая 2008 года в Екатеринбурге состоялась первая полноформатная встреча глав внешнеполитических ведомств государств БРИК. По ее итогам было принято совместное коммюнике, отразившее общие позиции стран по актуальным вопросам мирового развития. Принципиально важный шаг в становлении объединения был сделан 9 июля 2008 года, когда на полях саммита «Группы восьми» в Токио (Япония) по инициативе российской стороны состоялась отдельная встреча лидеров Бразилии, России, Индии и Китая.

Первый саммит БРИК прошел 16 июня 2009 года в Екатеринбурге. В итоговом Совместном заявлении было зафиксировано стремление развивать «последовательный, активный, прагматичный, открытый и транспарентный диалог и сотрудничество» не только для достижения «общих интересов развивающихся стран и государств с формирующимися рынками, но и строительства гармоничного мира, в котором были бы обеспечены прочный мир и общее процветание».

После присоединения Южно-Африканской Республики (первый саммит с участием ЮАР состоялся 14 апреля 2011 г. в г. Санья, КНР) в качестве названия объединения утвердилась аббревиатура «БРИКС».

С течением времени БРИКС превратился в многопрофильное стратегическое партнерство, которое базируется на трех ключевых столпах: политика и безопасность, экономика и финансы, культура и гуманитарные связи. Отношения между партнерами строятся на основе равноправия и взаимного уважения, а также принципов открытости, прагматизма, солидарности, ненаправленности против кого бы то ни было. Сегодня на долю БРИКС приходится 45 % населения планеты и более трети мирового ВВП. Входящие в БРИКС государства — влиятельные участники ООН, а также региональных объединений (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, АТЭС, ЛАГ, ССАГПЗ, ОИС, МЕРКОСУР, Афросоюз, САДК и др.). Расширенный БРИКС весомо представлен в таких механизмах, как «Группа двадцати», ВТО, Движение неприсоединения, «Группа 77». Страны по очереди председательствуют в БРИКС, исполняя эти обязанности в течение календарного года; затем происходит ротация. Все решения принимаются на основе консенсуса. Ежегодно проходит около 200 встреч, из которых 20 — министерского уровня. Развивается взаимодействие по линии парламентов, администраций городов, бизнеса, академических и научных кругов, гражданского общества, включая женские и молодежные организации. В целях

координации текущей работы объединения функционирует институт национальных шерп/су-шерп. С 1 января 2024 года членами БРИКС стали Египет, Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ и Эфиопия.

Одно из приоритетных направлений в деятельности БРИКС — содействие формированию демократического многополярного мира, укреплению глобальной безопасности и стабильности. Теперь уже «Десятка» неизменно выступает за соблюдение принципов международного права при центральной роли ООН, отказ от односторонних мер принуждения. Важным результатом взаимодействия стран БРИКС стал запуск работы Нового банка развития (НБР) со штаб-квартирой в Шанхае и Пула условных валютных резервов БРИКС с совокупным объемом средств в размере 200 млрд долларов США. К концу 2023 года по линии НБР было одобрено более 90 проектов на общую сумму 32,3 млрд долларов. Своевременно реагируя на нужды стран БРИКС в условиях кризиса, Банк запустил в марте 2020 года программу содействия по борьбе с пандемией COVID-19 и преодолению ее социально-экономических последствий общим объемом 10 млрд долларов. В 2018 году состоялось открытие Африканского регионального центра НБР в ЮАР, затем аналогичные структуры были учреждены в Бразилии, России и Индии.

В 2023 году функции председателя в БРИКС осуществляла ЮАР под девизом: «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности».

Важной вехой в развитии БРИКС стал XV саммит в Йоханнесбурге в августе 2023 года. На встрече были заложены основы для будущих дискуссий по финансово-экономическим вопросам, в том числе наращивание расчетов в национальных валютах. В итоговой декларации зафиксировано поручение министерствам финансов и центробанкам стран БРИКС изучить эту тему и представить доклад к следующему саммиту. Принято решение о расширении до 10 участников состава объединения. Положено начало разработке модальностей новой категории «государств-партнеров» (намерение взаимодействовать с БРИКС в той или иной форме выразили свыше 30 стран).

Большое значение в контексте формирования устойчивых связей БРИКС с государствами Глобального Юга имели расширенные заседания в формате «аутрич»/«БРИКС плюс», прошедшие как в рамках саммита объединения (с участием более 60 приглашенных стран), так и совещаний Высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, и министров иностранных дел.

Среди ключевых достижений взаимодействия по южноафриканской повестке дня — одобрение рамочного соглашения о сотрудничестве стран БРИКС по вопросам микро-, малого и среднего предпринимательства, создание Молодежного совета объединения, Рабочей группы по спорту, расширение Сетевого университета, запуск совместной работы в сфере ядерной медицины посредством создания профильной рабочей группы.

Первого января 2024 года функции председателя в БРИКС перешли к России (саммит состоится в Казани в октябре). Его девиз: «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности».

В числе приоритетов российского председательства — наращивание внешнеполитической координации в формате БРИКС, в том числе на ключевых международных площадках. Должное внимание уделяется развитию потенциала контртеррористического сотрудничества на основе Антитеррористической стратегии БРИКС 2020 года. Россия нацелена на развитие практического сотрудничества в борьбе с распространением наркотиков и коррупцией в соответствии с инициативой БРИКС по ликвидации «безопасных гаваней», институционализации формируемого Совета БРИКС по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма, на поиск общих ответов на вызовы и угрозы в информационном пространстве. Приоритетным вопросом является дальнейшая реализация Соглашения о сотрудничестве в области спутниковой группировки дистанционного зондирования Земли стран БРИКС.

В рамках экономического и финансового блока ведется большая работа по комплексной реализации Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года. Продвигаются инициативы по таким актуальным вопросам, как безопасность глобальных логистических цепочек, электронная торговля, искусственный интеллект, организация стартапов, климат в контексте устойчивого развития, дальнейшее развитие диалога между налоговыми, таможенными, антимонопольными органами стран БРИКС.

Важное направление работы — повышение роли государств БРИКС в международной валютно-финансовой системе, развитие межбанковской кооперации, содействие трансформации системы международных расчетов. В число приоритетных задач российского председательства входят наращивание расчетов в национальных валютах, укрепление корреспондентских банковских сетей для обеспечения международных транзакций. Продолжается работа по развитию механизма Пула условных валютных резервов.

Особый акцент делается на углублении диалога по вопросам справедливого развития, обеспечения продовольственной и энергетической безопасности, развития Платформы энергетических исследований.

Главные направления сотрудничества в гуманитарной сфере — наращивание взаимодействия в области науки и инноваций, в частности, исполнение Плана действий по инновационному сотрудничеству на 2021–2024 годы, использование потенциала Сети центров БРИКС в сфере трансфера технологий, а также в повышении кооперации научных парков и бизнес-инкубаторов. В рамках инициативы «Инновационная сеть iBRICS» первоочередное внимание уделяется расширению контактов между академическими и научными центрами, исследовательскими и высшими учебными заведениями десяти стран, укреплению потенциала Сетевого университета БРИКС, вопросам взаимного признания академических квалификаций, совершенствова-

ния работы международных систем рейтингов вузов. Запланированы Форум молодых ученых и Конкурс молодых инноваторов стран БРИКС.

В сфере здравоохранения продолжается продвижение российских инициатив по запуску Комплексной системы раннего предупреждения рисков возникновения массовых инфекционных заболеваний, Медицинской ассоциации и медицинского журнала. Особое внимание уделено функционированию Рабочей группы по ядерной медицине.

Предпринимаются практические действия в целях дальнейшей интенсификации диалога в области культуры, молодежных обменов, спорта. В официальный календарь председательства Российской Федерации в БРИКС внесены традиционные мероприятия, в том числе фестивали культуры и кино БРИКС, Академический и Гражданский форумы. Запланированы Молодежный форум и Молодежный лагерь, а также форум молодых дипломатов. В рамках спортивного сотрудничества в июне были организованы Игры БРИКС, в программу которых включены 29 видов спорта — как традиционные состязания, так и новые фиджитал-дисциплины.

Особое внимание уделено развитию межпарламентского взаимодействия в рамках Парламентского форума БРИКС, а также встречам председателей комитетов по международным делам парламентов стран объединения.

Важной составляющей гуманитарного взаимодействия является сотрудничество по линии городов и муниципальных образований. На этом направлении предусмотрены хорошо зарекомендовавший себя Международный муниципальный форум стран «БРИКС+», а также традиционный Форум породненных городов и муниципальных образований.

Все больше государств Мирового большинства настроены подключиться к БРИКС как действенному инструменту развития равноправной и справедливой многополярности и продвижения интересов Глобального Юга для совместного эффективного развития и поиска коллективных решений наиболее острых проблем современности. В ответ на этот запрос в соответствии с решением Йоханнесбургского саммита еще одним ключевым направлением усилий российского председательства становится доработка модальностей категории государств-партнеров и формирование списка кандидатов в нее, которые предстоит утвердить на встрече лидеров в этом году.

Миропорядок по БРИКС

С развитием БРИКС и ростом самосознания Мирового большинства становится ясно, что многополярность будет связана с выражением культурно-цивилизационного многообразия мира. Собственно, все проблемы мировой политики и мирового развития, которое завело в тупик западное доминирование, можно свести к несовместимости западной цивилизации с другими культурами и цивилизациями. Вся история — не только наше время! — показывает, что Запад может вести дела с другими только посредством подавления и диктата, насилия и контроля, на своих усло-

виях и с позиции силы, что в корне противоречит базовым принципам Устава ООН, международному праву в целом, которое, кстати, сложилось не без участия самих западных стран, с учетом их собственного трагического опыта, включая религиозные войны в Европе и две мировые.

Сегодня Запад находится в качественно иной фазе своей эволюции. Поэтому не удивляет претензия западных столиц на роль хранителя некоего мифического «порядка, основанного на правилах», который на деле обнуляет весь исторически сложившийся международный правопорядок с центральной ролью ООН и подменяет его произволом Запада.

Де-факто складывается новая переходная биполярность «Запад — Мировое большинство». Генри Киссинджер в книге «Лидерство»¹, которую можно рассматривать как его политическое завещание, с горечью указывал: внешнеполитический кризис Вашингтона восходит к тому, что его новация с многополярностью во времена Р. Никсона, когда она была им впервые разыграна в «треугольном» формате США–СССР–КНР (с признанием Китая, который занял свое законное место в СБ ООН), не стала для США «надежной школой дипломатии», что потребовало бы перемен не только в масштабах стратегии, но и на уровне менталитета. То есть сама идея многополярности не была искусственным изобретением российской дипломатии с целью отстоять свою внешнеполитическую самостоятельность, а отражала суть происходящего в мире, что видели в Москве и не хотели видеть на Западе, где предпочитали жить по-старому.

Предстоит этап регионализации глобальной политики в рамках и в соответствии с геополитическими императивами указанной биполярности. Выражением последней является противостояние западной «семерки» и расширяющегося формата БРИКС. Нетрудно предвидеть, чем закончится эксперимент с анархо-капитализмом в Аргентине и попыткой Запада перетянуть Буэнос-Айрес на свою сторону. Еще неизвестно, что будет с США и с Западом в целом. Будет ли им до гегемонии? Ведь они будут вынуждены действовать в условиях уменьшения возможностей решать свои проблемы за чужой счет, к чему они привыкли на протяжении веков.

Самоизоляция Запада от остального мира усугубилась в связи с операцией Израиля в секторе Газа, ставшей на данный момент настоящей внешнеполитической катастрофой США. Дальнейшей кристаллизации подверглась новая биполярность. Раскол международного сообщества будет служить решающим фактором в том, что касается дальнейшей эволюции ООН, приведения Организации в соответствие с духом времени. В последние десятилетия Запад злоупотреблял своим влиянием в ООН, продолжал добиваться нужных для себя решений, не стесняясь оказывать давление — если не удавалось в Совете Безопасности, то на Генассамблее, в других органах Организации. Злоупотреблял он и доброй волей России — достаточно вспомнить резолюции СБ по Ливии и свободе судоходства в Красном море.

На повестке дня — реформа Совета Безопасности, расширение его членского состава, дабы сделать его по-настоящему представительным не только в географическом, но прежде всего в культурно-цивилизационном отношении. Сейчас Запад перепредставлен в категории постоянных членов: три места из пяти, тогда как два остальных — у России и Китая. Если брать «семерку», то получается три места на семь ее участников. Россия и Китай — это не только БРИКС, но и Мировое большинство, то есть три четверти членов ООН.

Многие считают, что целесообразно сократить представленность в Совете стран Запада, тем более что все они признают лидерство США. Соединенные Штаты вполне могут представлять всю западную цивилизацию и тех, кто себя с ней ассоциирует. Право на постоянное членство в Совете имеют Индия и Бразилия, представляющие свои цивилизации. Стоит вопрос о представительстве Африки и арабо-исламского мира, которые должны сами решить, кто будет его осуществлять. В этих условиях абсолютно непроходимыми будут кандидатуры Германии и Японии: помимо того, что они являются западными странами, они еще и не вполне суверенны, находясь под оккупацией США. Если Евросоюз сохранится после нынешнего геополитического кризиса, то место Франции может занять ЕС. В любом случае неприемлемо то, что пять англосаксонских стран имеют два постоянных места в СБ — это США и Великобритания, которые к тому же связаны между собой «особыми отношениями».

Пока трудно прогнозировать, как будет трансформироваться ООН. Сначала необходимо преодолеть геополитический кризис, а затем по его итогам можно будет судить о новом балансе сил в мире. Далеко не случайно многие политики и исследователи считают (да и сами западные элиты того же мнения), что конфликт на Украине, которому Запад придает стратегическую глубину, в том числе поставками современных вооружений и боеприпасов, по своим последствиям будет равнозначен мировой войне.

Запад сам обесценивает ООН — во-первых, отказываясь договариваться с Россией; во-вторых, запустив в оборот тезис о «порядке, основанном на правилах», что отрицает миропорядок с центральной ролью ООН. Отношение к этому вопросу имеет и то, что Минские соглашения 2015 года были одобрены СБ ООН, но затем западные столицы заявили, что вовсе не намеревались их выполнять и требовать этого от Киева. Их реальной целью было выиграть время для перевооружения ВСУ, то есть их подготовки к «окончательному решению» вопроса Донбасса. Уместно вспомнить, что ремилитаризация Германии (это называлось «умиротворением») также началась с ее нацификации в контексте подготовки агрессии против СССР. Можно предположить, что в качестве критериев постоянного членства в СБ уже не будут иметь прежнего значения такие факторы, как принадлежность к Антигитлеровской коалиции и статус ядерной державы по Договору о нераспространении ядерного оружия. Скорее всего, первостепенными будут экономический и культурно-цивилизационный факторы, а также авторитет, осно-

¹ Kissinger H. Leadership. Six Studies in World Strategy. UK : Penguin Books, 2022.

ванный на способности играть позитивную роль в общих делах человечества.

Не исключено, что с Западом, если он продолжит претендовать на доминирование, будет трудно договориться. Тогда еще большее значение обретут новые форматы, прежде всего БРИКС. Мировые проблемы требуют коллективных усилий по их решению. Не исключается и вариант воссоздания ООН на новой основе — без Запада и со штаб-квартирой в одной из стран Мирового большинства. Если новая всемирная организация будет инклюзивной, то и западным странам будет нетрудно к ней присоединиться на общих основаниях. В таком случае нынешняя ООН могла бы существовать параллельно в затухающем режиме, к чему ее в любом случае принуждает агрессивная политика Запада. А ее специализированные агентства со временем перешли бы под эгиду новой ООН, как это было с Международной организацией труда и Международным союзом электросвязи, унаследованными ООН от Лиги наций.

БРИКС приобретает черты ведущего формата самоорганизации Мирового большинства. В числе его основных функций — борьба с неоколониальной зависимостью, то есть неравноправными условиями торговли, контролем Запада над глобальной валютно-финансовой и иной глобальной архитектурой. Для этого нужны альтернативные площадки и возможности. Запад не скрывает, что его политика «сдерживания» направлена в первую очередь на торможение развития конкурентов. Отсталость Мирового большинства — ключевое условие сохранения западной гегемонии. Поэтому Запад делает ставку на опережающее технологическое развитие. Хотя просто развивать в кругу незападных стран торгово-экономические отношения и иное практическое сотрудничество на основе взаимного учета интересов — уже много (так уже было в политике Советского Союза в период становления новых независимых государств).

В неменьшей мере важно и то, что СВО на Украине демонстрирует ограниченность военного ресурса Запада, его резко сократившиеся возможности проводить по всему миру политику силового давления. Это сдерживало многих в странах Мирового большинства в плане противостояния хозяйничанью Запада, в том числе посредством ТНК, на территории этих государств, распоряжению их природными ресурсами.

Снова встает вопрос об исторической миссии России. Миссии утверждения человеческой свободы в ее истинном, христианском понимании — как свободы всех стран и народов. Революция 1917 года, как, собственно, и Китайская революция 1949 года, лишь создала условия для освобождения мира от западного гнета. Сама же эта миссия реализуется сейчас.

Картина нарождающегося мира¹

Текущий всеобъемлющий кризис мироустройства обусловлен различиями в ожиданиях «нового миропо-

¹ В этом разделе использованы выводы доклада: Картина нарождающегося мира: базовые черты и тенденции // Дипломатическая академия МИД России : [сайт]. 2024. Янв. URL: <https://www.dipacademy.ru/documents/7763/Doklad-Kartina-narozhdhaya-ushegosya-mira.pdf?ysclid=m0tyddczo686948036> (дата обращения: 01.04.2024).

рядка» Запада и незападного мира после окончания холодной войны, распада Советского Союза и роспуска Организации Варшавского договора. В то время как мир ожидал нового этапа международных отношений на деидеологизированной основе «вестфальских» принципов Устава ООН, Запад при лидирующей роли Вашингтона сделал выбор в пользу политики доминирования, предполагая «автоматическое» распространение сферы своего владычества на весь остальной мир как естественное следствие «победы в холодной войне».

Организация Североатлантического договора не была распущена, в Европе не была создана общерегиональная, инклюзивная система коллективной безопасности по смыслу Главы VIII Устава ООН, которой континент не знал на протяжении полутора веков. Не состоялось послевоенное урегулирование, как это бывало ранее после любой «большой войны» в Европе.

Киссинджер в своем «Лидерстве», ссылаясь на опыт «трансформационной дипломатии» Никсона, писал о «согласованных рамках законности как наиболее прочной основе мира» и на этом фундаменте — о «глобальном равновесии/балансе сил». Ныне же США через запущенный в оборот тезис о некоем «порядке, основанном на правилах», фактически отрицают и разрушают послевоенный миропорядок, основанный на коллективно согласованных, универсальных, то есть обязательных для всех международно-правовых инструментах, прежде всего Уставе ООН.

От отрицания международного права один шаг до отрицания права вообще, включая основу англосаксонского рыночного капитализма — права на неприкосновенность частной собственности. И этот шаг США и их союзники делают, замораживая суверенные активы России и подрывая тем самым одно из фундаментальных оснований своего конституционного порядка, что говорит о наличии системного кризиса западного общества. Это еще одно измерение текущей глобальной трансформации, которое отсылает к предшествующему кризису Запада, нашедшему разрешение в событиях 1914–1945 годов.

Либеральная идея эволюционирует в направлении тоталитаризма, покушения на свободу слова и свободу мысли. Россия же последовательно выступает в защиту международной законности, будь то попытки предотвратить Первую мировую войну посредством созыва Гаагских конференций мира в 1899 и 1907 годах или усилия по созданию Восточного пакта во второй половине 1930-х с целью гарантирования границ восточных соседей Германии, что могло бы предотвратить новую агрессию и Вторую мировую войну.

Еще Александр Горчаков в своей знаменитой («Россия не сердится. Россия сосредоточивается») циркулярной депеше от 2 сентября 1856 года писал: «Мы высказывались во всех случаях, когда считали необходимым выступить в поддержку права»².

Созданный в послевоенный период международный правопорядок с центральной ролью ООН и универсальными международно-правовыми инструментами фактически приостановил свое действие в услови-

² Лопатников В. А. Горчаков: Время и служение. М. : Молодая гвардия, 2011.

ях системной конфронтации между Западом и Россией. Это относится прежде всего к поддержанию мира и безопасности. Основные многосторонние договоры и соглашения, направленные на предотвращение ядерных испытаний, поддержание ядерного паритета, ограничение вооружений и опасной военной деятельности, прекратили свое действие вследствие выхода из них в одностороннем порядке или приостановки их действия США.

При этом со стороны государств Мирового большинства, прежде всего развивающихся стран, растет запрос на инклюзивность сложившейся архитектуры глобального управления. Налицо также стремление этих стран реализовать во внешней политике свою культурно-историческую идентичность. Указанные тренды уже признаются деятелями администрации Дж. Байдена.

Что касается идеологической основы международной жизни, то неизбежным представляется восстановление значения факторов привлекательности обществ и государств на сбалансированной и подлинно конкурентной основе. Будет изживаться унификаторский тренд западной политики и его следствие — интервенционизм.

Заслуживают внимания такие выводы и прогнозы Валдайского клуба¹, как развитие эрозии иерархических построений в системе международных отношений при параллельной суверенизации государств, реагирующих на западное унификаторство акцентированием своей идентичности и самобытности. США, однако, продолжают действовать как классическая держава статус-кво, что и служит причиной нынешних противоборств, позволяющих говорить о новом варианте холодной войны.

Ее исход возможен не в формате «большой сделки», как это определяется в американской политологии, или «мирного конгресса» победителей, а «в ходе естественного процесса взаимодействия государств и нахождения приемлемых для всех государств вариантов международного устройства», то есть без победителей и побежденных — идеал «мира без победителей», который не был реализован в Первую мировую войну в силу предрассудков элит, взаимной демонизации сторон и дурной традиции возлагать ответственность за бойню на побежденного. На политико-дипломатическое урегулирование будет работать и рассредоточение факторов силы/мощи, в том числе ресурсной и технологической, по более широкому кругу ведущих государств.

Идея многополярности, по мнению авторитетных экспертов в области международных отношений (Г. Моргентау, Р. Арон и др.), является исторической нормой. Можно заключить, что сам американский тезис о «ревизионистских державах», покушающихся на глобальную гегемонию США, антиисторичен и возводит в правило то, что не является нормальным. Регионализация глобальной политики и ее воссоздание «сни-

зу» будут отражать многоуровневый баланс сил и интересов, что послужит гарантией от диктата глобального «концерта держав».

Демократизации международных отношений будут способствовать невозможность проведения в современных условиях секретной дипломатии и необходимость реальной вовлеченности всех государств в поиск решений новых глобальных проблем, трансграничных по своей природе. В том же направлении будут действовать такие принципы, как неделимость безопасности и мирное сосуществование, предполагающее равенство различных культур и цивилизаций, их моделей развития, укорененных в истории.

Британский философ Джон Грей считает, что государство должно быть превращено в средство мирного сосуществования внутри общества и вовне: «Вера в то, что одна форма правления подходит для всех, является разновидностью тирании». И если в истории действует эволюционный процесс, то нет оснований полагать, что он отдает преимущество Западу. Преобладают будут те режимы, которые лучше других адаптируются к «произвольному ходу истории». Не наиболее производительные, а те, которые наилучшим образом используют шансы, предоставленные случаем, — они и будут, полагает он, наиболее жизнеспособными².

Применительно к теме истории/«конца истории», включая тезисы о «новом Средневековье» и «неофеодализме», интересны опубликованные в 1990 году в сборнике «Прозрачность зла»³ суждения Жана Бодрийяра о феномене переписывания на Западе после окончания холодной войны истории всего XX века — о «пересмотре всей Истории... быть может, в тайной надежде в новом тысячелетии начать все с нуля». Звучит актуально в свете борьбы западных элит с историей, в том числе как источником национальной идентичности. Бодрийяр предполагает, что История «в конце концов будет удаляться от своего конечного значения в противоположном направлении». А. И. Фурсов⁴ пишет о наступлении апокалиптического «времени Босха», которое в позднем Средневековье и раннем Новом времени привело к возникновению капитализма, при том что «финал зеркален генезису».

Посткапитализм может иметь все признаки предсказанного постмодернистами «концлагеря». Противостояние такой перспективе может послужить одной из мотиваций для самоорганизации и сплочения Мирового большинства, равно как и основанием для его «смычки» с частью западного электората, укорененной в своих странах, истории и традиционных ценностях. И если мир подошел к идее посткапиталистической проектности, то это не может не открывать простора для исторического творчества России и других ведущих незападных стран, сотрудничающих в рамках БРИКС, в ООН, Группе двадцати и иных перспективных форматах.

¹ Аттестат зрелости, или Порядок, какого еще не было. Фантазия о будущем без иерархии : ежегод. доклад Валдайского клуба. 2023. Окт. // Валдай. Международный дискуссионный клуб : [сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/attestat-zrelosti-2023/?ysclid=m0ty7al98z872461180> (дата обращения: 01.04.2024).

² Gray J. The New Leviathans: Thoughts After Liberalism. L. : Allen Lane, 2023.

³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет : Изд-во «КДУ», 2009.

⁴ Фурсов А. И. Наше «время Босха». М. : Наше Завтра, 2023.